

Евгений Львович Шварц

Два брата

Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте, как вкопанные, но все-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь. Даже огромные старики-деревья и те каждый год подрастают, как маленькие дети. Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие. И вот в одном огромном лесу жил-был лесничий, по имени Чернобородый. Он целый день бродил взад и вперед по лесу, и каждое дерево на своем участке знал он по имени. В лесу лесничий всегда был весел, но зато дома он часто вздыхал и хмурился. В лесу у него все шло хорошо, а дома бедного лесничего очень огорчали его сыновья. Звали их Старший и Младший. Старшему было двенадцать лет, а Младшему – семь. Как лесничий ни уговаривал своих детей, сколько ни просил, – братья ссорились каждый день, как чужие.

И вот однажды – было это двадцать восьмого декабря утром – позвал лесничий сыновей и сказал, что елки к Новому году он им не устроит. За елочными украшениями надо ехать в город. Маму послать – ее по дороге волки съедят. Самому ехать – он не умеет по магазинам ходить. А вдвоем ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать отца, что он не обидит Младшего и что дома все будет в полном порядке, пока родители не вернутся из города.

– Ты даешь мне слово? – спросил отец.

– Даю честное слово, – ответил Старший.

– Хорошо, – сказал отец. – Три дня нас не будет дома. Мы вернемся тридцать первого вечером, часов в восемь. До этого времени ты здесь будешь хозяином. Ты отвечаешь за дом, а главное – за брата. Ты ему будешь вместо отца. Смотри же!

И вот мама приготовила на три дня три обеда, три завтрака и три ужина и показала мальчикам, как их нужно разогревать. А отец принес дров на три дня и дал Старшему коробку спичек. После этого запрягли лошадь в сани, бубенчики зазвенели, полозья заскрипели, и родители уехали.

Первый день прошел хорошо. Второй – еще лучше. И вот наступило тридцать первое декабря. В шесть часов накормил Старший Младшего ужином и сел читать книжку «Приключения Синдбада-Морехода». И дошел он до самого интересного места, когда появляется над кораблем птица Рок, огромная, как туча, и несет она в когтях камень величиною с дом. Старшему хочется узнать, что будет дальше, а Младший слоняется вокруг, скучает, томится. И стал Младший просить брата:

– Поиграй со мной, пожалуйста.

Их ссоры всегда так и начинались. Младший скучал без Старшего, а тот гнал брата безо всякой жалости и кричал: «Оставь меня в покое!» И на этот раз кончилось дело худо. Старший терпел-терпел, потом схватил Младшего за шиворот, крикнул: «Оставь меня в покое!» – вытолкнул его во двор и запер дверь.

А ведь зимой темнеет рано, и во дворе стояла уже темная ночь. Младший забарабанил в дверь кулаками и закричал:

– Что ты делаешь! Ведь ты мне вместо отца!

У Старшего сжалось на миг сердце, он сделал шаг к двери, но потом подумал: «Ладно, ладно. Я только прочту пять строчек и пушу его обратно. За это время ничего с ним не случится». И он сел в кресло и стал читать и зачитался, а когда опомнился, то часы показывали уже без четверти восемь. Старший вскочил и закричал:

– Что же это! Что я наделал! Младший там на морозе, один, не одетый!

И он бросился во двор. Стояла темная-темная ночь, и тихо-тихо было вокруг. Старший во весь голос позвал Младшего, но никто ему не ответил. Тогда Старший зажег фонарь и с фонарем обыскал все закоулки во дворе. Брат пропал бесследно.

Свежий снег запорошил землю, и на снегу не было следов Младшего. Он исчез неведомо куда, как будто его унесла птица Рок. Старший горько заплакал и громко попросил у Младшего прощенья. Но и это не помогло. Младший брат не отзывался.

Часы в доме пробили восемь раз, и в ту же минуту далеко-далеко в лесу зазвенели бубенчики. «Наши возвращаются, – подумал с тоскою Старший. – Ах, если бы все передвинулось на два часа назад! Я не выгнал бы младшего брата во двор. И теперь мы стояли бы рядом и радовались».

А бубенчики звенели все ближе и ближе; вот стало слышно, как фыркает лошадь, вот заскрипели полозья, и сани въехали во двор. И отец выскочил из саней. Его черная борода на морозе покрылась инеем и теперь была совсем белая. Вслед за отцом из саней вышла мать с большой корзинкой в руке. И отец и мать были веселы, – они не знали, что дома случилось такое несчастье.

– Зачем ты выбежал во двор без пальто? – спросила мать.

– А где Младший? – спросил отец.

Старший не ответил ни слова.

– Где твой младший брат? – спросил отец еще раз.

И Старший заплакал. И отец взял его за руку и повел в дом. И мать молча пошла за ними. И Старший все рассказал родителям. Кончив рассказ, мальчик взглянул на отца. В комнате было тепло, а иней на бороде отца не растаял. И Старший вскрикнул. Он вдруг понял, что теперь борода отца бела не от инея. Отец так огорчился, что даже поседел.

– Одевайся, – сказал отец тихо. – Одевайся и уходи. И не смей возвращаться, пока не разыщешь своего младшего брата.

– Что же, мы теперь совсем без детей останемся? – спросила мать плача, но отец ей ничего не ответил.

И Старший оделся, взял фонарь и вышел из дому. Он шел и звал брата, шел и звал, но никто ему не отвечал. Знакомый лес стеной стоял вокруг, но Старшему казалось, что он теперь один на свете. Деревья, конечно, живые существа, но разговаривать они не умеют и стоят на месте, как вкопанные. А кроме того, зимою они спят крепким сном. И мальчику не с кем было поговорить. Он шел по тем местам, где часто бегал с младшим братом. И трудно было ему теперь понять, почему это они всю жизнь ссорились, как чужие. Он вспомнил, какой Младший был худенький, и как на затылке у него прядь волос всегда стояла дыбом, и как он смеялся, когда Старший изредка шутил с ним, и как радовался и старался, когда Старший принимал его в свою игру. И Старший так жалел брата, что не замечал ни холода, ни темноты, ни тишины. Только изредка ему становилось очень жутко, и он оглядывался по сторонам, как заяц. Старший, правда, был уже большой мальчик, двенадцати лет, но рядом с огромными деревьями в лесу он казался совсем маленьким.

Вот кончился участок отца и начался участок соседнего лесничего, который приезжал в гости каждое воскресенье играть с отцом в шахматы. Кончился и его участок, и мальчик зашагал по участку лесничего, который бывал у них в гостях только раз в месяц. А потом пошли участки лесничих, которых мальчик видел только раз в три месяца, раз в полгода, раз в год. Свеча в фонаре давно погасла, а Старший шагал, шагал, шагал все быстрее и быстрее.

Вот уже кончились участки таких лесничих, о которых Старший только слышал, но не встречал ни разу в жизни. А потом дорожка пошла все вверх и, вверх, и, когда рассвело, мальчик увидел: кругом, куда ни глянешь, все горы и горы, покрытые густыми лесами. Старший остановился. Он знал, что от их дома до гор семь недель езды. Как же он добрался сюда за одну только ночь?

И вдруг мальчик услышал где-то далеко-далеко легкий звон. Сначала ему показалось, что это звенит у него в ушах. Потом он задрожал от радости, – не бубенчики ли это? Может быть, младший брат нашелся и отец гонится за Старшим в санях, чтобы отвезти его домой? Но звон не приближался, и никогда бубенчики не звенели так тоненько и так ровно.

– Пойду и узнаю, что там за звон, – сказал Старший.

Он шел час, и два, и три. Звон становился все громче и громче. И вот мальчик очутился

среди удивительных деревьев, – высокие сосны росли вокруг, но они были прозрачные, как стекла. Верхушки сосен сверкали на солнце так, что больно было смотреть. Сосны раскачивались на ветру, ветки били о ветки и звенели, звенели, звенели. Мальчик пошел дальше и увидел прозрачные елки, прозрачные березы, прозрачные клены. Огромный прозрачный дуб стоял среди поляны и звенел басом, как шмель. Мальчик поскользнулся и посмотрел под ноги. Что это? И земля в этом лесу прозрачна! А в земле темнеют и переплетаются, как змеи, и уходят в глубину прозрачные корни деревьев. Мальчик подошел к березе и отломил веточку. И, пока он ее разглядывал, веточка растаяла, как ледяная сосулька. И Старший понял: лес, промерзший насквозь, превратившийся в лед, стоит вокруг. И растет этот лес на ледяной земле, и корни деревьев тоже ледяные.

– Здесь такой страшный мороз, почему же мне не холодно? – спросил Старший.

– Я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, – ответил кто-то тоненьким звонким голосом.

Мальчик оглянулся. Позади стоял высокий старик в шубе, шапке и валенках из чистого снега. Борода и усы старика были ледяные и позванивали тихонько, когда он говорил. Старик смотрел на мальчика не мигая. Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце. А старик, помолчав, повторил отчетливо, гладко, как будто он читал по книжке или диктовал:

– Я. Распорядился. Чтобы холод. Не причинил. Тебе. До поры до времени. Ни малейшего вреда. Ты знаешь, кто я?

– Вы как будто Дедушка Мороз? – спросил мальчик.

– Отнюдь нет! – ответил старик холодно. – Дедушка Мороз – мой сын. Я проклял его, – этот здоровяк слишком добродушен. Я – Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг. Следуй за мной.

И старик пошел вперед, неслышно ступая по льду своими мягкими белоснежными валенками. Вскоре они остановились у высокого крутого холма. Прадедушка Мороз порывлся в снег, из которого была сделана его шуба, и вытащил огромный ледяной ключ. Щелкнул замок, и тяжелые ледяные ворота открылись в холме.

– Следуй за мной, – повторил старик.

– Но ведь мне нужно искать брата! – воскликнул мальчик.

– Твой брат здесь, – сказал Прадедушка Мороз спокойно, – Следуй за мной.

И они вошли в холм, и ворота со звоном захлопнулись, и Старший оказался в огромном, пустом, ледяном зале. Сквозь открытые настежь высокие двери виден был следующий зал, а за ним еще и еще. Казалось, что нет конца этим просторным, пустынным комнатам. На стенах светились круглые ледяные фонари. Над дверью в соседний зал, на ледяной табличке, была вырезана цифра «2».

– В моем дворце сорок девять таких зал. Следуй за мной, – приказал Прадедушка Мороз.

Ледяной пол был такой скользкий, что мальчик упал два раза, но старик даже не обернулся. Он мерно шагал вперед и остановился только в двадцать пятом зале ледяного дворца. Посреди этого зала стояла высокая белая печь. Мальчик обрадовался. Ему так хотелось погреться. Но в печке этой ледяные поленья горели черным пламенем. Черные отблески прыгали по полу. Из печной дверцы тянуло леденящим холодом. И Прадедушка Мороз опустился на ледяную скамейку у ледяной печки и протянул свои ледяные пальцы к ледяному пламени.

– Садись рядом, померзнем, – предложил он мальчику.

Мальчик ничего не ответил. А старик уселся поудобнее и мерз, мерз, мерз, пока ледяные поленья не превратились в ледяные угольки. Тогда Прадедушка Мороз заново набил печь ледяными дровами и разжег их ледяными спичками.

– Ну, а теперь я некоторое время посвящу беседе с тобою, – сказал он мальчику. – Ты. Должен. Слушать. Меня. Внимательно. Понял?

Мальчик кивнул головой. И Прадедушка Мороз продолжал отчетливо и гладко:

– Ты. Выгнал. Младшего брата. На мороз. Сказав. Чтобы он. Оставил. Тебя. В покое. Мне нравится этот поступок. Ты любишь покой так же, как я. Ты останешься здесь навеки. Понял?

– Но ведь нас дома ждут! – воскликнул Старший жалобно.

– Ты. Останешься. Здесь. Навеки, – повторил Прадедущка Мороз.

Он подошел к печке, потряс полами своей снежной шубы, и мальчик вскрикнул горестно. Из снега на ледяной пол посыпались птицы. Синицы, поползни, дятлы, маленькие лесные зверюшки, взъерошенные и окоченевшие, горкой легли на полу.

– Эти суетливые существа даже зимой не оставляют лес в покое, – сказал старик.

– Они мертвые? – спросил мальчик.

– Я успокоил их, но не совсем, – ответил Прадедущка Мороз. – Их следует вертеть перед печкой, пока они не станут совсем прозрачными и ледяными. Займись. Немедленно. Этим. Полезным. Делом.

– Я убегу! – крикнул мальчик.

– Ты никуда не убежишь! – ответил Прадедущка Мороз твердо. – Брат твой заперт в сорок девятом зале. Пока что – он удержит тебя здесь, а впоследствии ты привыкнешь ко мне. Принимайся за работу.

И мальчик уселся перед открытой дверцей печки. Он поднял с полу дятла, и руки у него задрожали. Ему казалось, что птица еще дышит. Но старик не мигая смотрел на мальчика, и мальчик протянул дятла к ледяному пламени. И перья несчастной птицы сначала побелели, как снег. Потом вся она стала твердой, как камень. А когда она сделалась прозрачной, как стекло, старик сказал:

– Готово! Принимайся за следующую.

До поздней ночи работал мальчик, а Прадедущка Мороз неподвижно стоял возле. Потом он осторожно уложил ледяных птиц в мешок и спросил мальчика:

– Руки у тебя не замерзли?

– Нет, – ответил он.

– Это я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, – сказал старик. – Но помни! Если. Ты. Ослушаешься. Меня. То я. Тебя. Заморожу. Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь.

И Прадедущка Мороз, взяв мешок, ушел в глубину дворца, и мальчик остался один. Где-то далеко-далеко захлопнулась со звоном дверь, и эхо перекатилось по всем залам. И Прадедущка Мороз вернулся с пустым мешком.

– Пришло время удалиться ко сну, – сказал Прадедущка Мороз. И он указал мальчику на ледяную кровать, которая стояла в углу. Сам он занял такую же кровать в противоположном конце зала.

Прошло две – три минуты, и мальчику показалось, что кто-то заводит карманные часы. Но он понял вскоре, что это тихонько храпит во сне Прадедущка Мороз. Утром старик разбудил его.

– Отправляйся в кладовую, – сказал он. – Двери в нее находятся в левом углу зала. Принеси завтрак номер один. Он стоит на полке номер девять. И мальчик пошел в кладовую. Она была большая, как зал. Замороженная еда стояла на полках. И Старший принес на ледяном блюде завтрак номер один. И котлеты, и чай, и хлеб – все было ледяное, и все это надо было грызть или сосать, как леденцы.

– Я удалюсь на промысел, – сказал Прадедущка Мороз, окончив завтрак, – Можешь бродить по всем комнатам и даже выходить из дворца. До свиданья, мой юный ученик.

И Прадедущка Мороз удалился, неслышно ступая своими белоснежными валенками, а мальчик бросился в сорок девятый зал. Он бежал, и падал, и звал брата во весь голос, но только эхо отвечало ему. И вот он добрался, наконец, до сорок девятого зала и остановился, как вкопанный. Все двери были открыты настежь, кроме одной, последней, над которой стояла цифра «49». Последний зал был заперт наглухо.

– Младший! – крикнул старший брат. – Я пришел за тобой. Ты здесь?

– Ты здесь? – повторило эхо.

Дверь была вырезана из цельного промерзшего ледяного дуба. Мальчик уцепился ногтями за ледяную дубовую кору, но пальцы его скользили и срывались. Тогда он стал колотить в дверь кулаками, плечом, ногами, пока совсем не выбился из сил. И хоть бы ледяная щепочка откололась от ледяного дуба. И мальчик тихо вернулся обратно, и почти тотчас же в зал вошел Прадедушка Мороз. И после ледяного обеда до поздней ночи мальчик вертел перед ледяным огнем несчастных замерзших птиц, белок и зайцев. Так и пошли дни за днями. И все эти дни Старший думал, и думал, и думал только об одном: чем бы разбить ему ледяную дубовую дверь. Он обыскал всю кладовую. Он ворочал мешки с замороженной капустой, с замороженным зерном, с замороженными орехами, надеясь найти топор! И он нашел его, наконец, но и топор отскакивал от ледяного дуба, как от камня.

И Старший думал, думал и наяву и во сне, все об одном, все об одном. А старик хвалил мальчика за спокойствие. Стоя у печки неподвижно, как столб, глядя, как превращаются в лед птицы, зайцы, белки, Прадедушка Мороз говорил:

– Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» – какие великие слова. С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев. «Оставь меня в покое!» Эти. Великие. Слова. Установят. Когда-нибудь. Вечный. Покой. На земле.

И отец, и мать, и бедный младший брат, и все знакомые лесничие говорили просто, а Прадедушка Мороз как будто читал по книжке, и разговор его наводил такую же тоску, как огромные пронумерованные залы. Старик любил вспоминать о древних-древних временах, когда ледники покрывали почти всю землю.

– Ах, как тихо, как прекрасно было тогда жить на белом, холодном свете! – рассказывал он, и его ледяные усы и борода звенели тихонько. Я был тогда молод и полон сил. Куда исчезли мои дорогие друзья – спокойные, солидные, гигантские мамонты! Как я любил беседовать с ними! Правда, язык мамонтов труден. У этих огромных животных и слова были огромные, необычайно длинные. Чтобы произнести одно только слово на языке мамонтов, нужно было потратить двое, а иногда и трое суток. Но. Нам. Некуда. Было. Спешить.

И вот однажды, слушая рассказы Прадедушки Мороза, мальчик вскочил и запрыгал на месте, как бешеный.

– Что значит твое нелепое поведение? – спросил старик сухо.

Мальчик не ответил ни слова, но сердце его так и стучало от радости. Когда думаешь все об одном и об одном, то непременно в конце концов придумаешь, что делать. Спички! Мальчик вспомнил, что у него в кармане лежат те самые спички, которые ему дал отец, уезжая в город.

И на другое же утро, едва Прадедушка Мороз отправился на промысел, мальчик взял из кладовой топор и веревку и выбежал из дворца. Старик пошел налево, а мальчик побежал направо, к живому лесу, который темнел за прозрачными стволами ледяных деревьев. На самой опушке живого леса лежала в снегу огромная сосна. И топор застучал, и мальчик вернулся во дворец с большой вязанкой дров. У ледяной дубовой двери в сорок девятый зал мальчик разложил высокий костер. Вспыхнула спичка, затрещали щепки, загорелись дрова, запрыгало настоящее пламя, и мальчик засмеялся от радости. Он уселся у огня и грелся, грелся, грелся.

Дубовая дверь сначала только блестела и сверкала так, что больно было смотреть, но вот, наконец, вся она покрылась мелкими водяными капельками. И когда костер погас, мальчик увидел: дверь чуть-чуть подтаяла.

– Ага! – сказал он и ударил по двери топором. Но ледяной дуб по-прежнему был тверд, как камень.

– Ладно! – сказал мальчик. – Завтра начнем сначала.

Вечером, сидя у ледяной печки, мальчик взял и осторожно припрятал в рукав маленькую синичку. Прадедушка Мороз ничего не заметил. И на другой день, когда костер разгорелся, мальчик протянул птицу к огню. Он ждал, ждал, и вдруг клюв у птицы дрогнул,

и глаза открылись, и она посмотрела на мальчика.

– Здравствуй! – сказал ей мальчик, чуть не плача от радости. – Погоди, Прадедушка Мороз! Мы еще поживем!

И каждый день теперь отогревал мальчик птиц, белок и зайцев. Он устроил своим новым друзьям снеговые домики в уголках зала, где было потемнее. Домики эти он устлал мхом, который набрал в живом лесу. Конечно, по ночам было холодно, но зато потом, у костра, и птицы, и белки, и зайцы запасались теплом до завтрашнего утра. Мешки с капустой, зерном и орехами теперь пошли в дело. Мальчик кормил своих друзей до отвала. А потом он играл с ними у огня или рассказывал о своем брате, который спрятан там, за дверью. И ему казалось, что и птицы, и белки, и зайцы понимают его.

И вот однажды мальчик, как всегда, принес вязанку дров, развел костер и уселся у огня. Но никто из его друзей не вышел из своих снеговых домиков. Мальчик хотел спросить: «Где же вы?» – но тяжелая ледяная рука с силой оттолкнула его от огня. Это Прадедушка Мороз подкрался к нему, неслышно ступая своими белоснежными валенками. Он дунул на костер, и поленья стали прозрачными, а пламя черным. И когда ледяные дрова догорели, дубовая дверь стала такую, как много дней назад.

– Еще. Раз. Попадешься. Заморожу! – сказал Прадедушка Мороз холодно. И он поднял с пола топор и запрятал его глубоко в снегу своей шубы.

Целый день плакал мальчик. И ночью с горя заснул как убитый. И вдруг он услышал сквозь сон: кто-то осторожно мягкими лапками барабанит по его щеке. Мальчик открыл глаза. Заяц стоял возле.

И все его друзья собрались вокруг ледяной постели. Утром они не вышли из своих домиков, потому что почуяли опасность. Но теперь, когда Прадедушка Мороз уснул, они пришли на выручку к своему другу. Когда мальчик проснулся, семь белок бросились к ледяной постели старика. Они нырнули в снег шубы Прадедушки Мороза и долго рылись там. И вдруг что-то зазвенело тихонечко.

– Оставьте меня в покое, – пробормотал во сне старик.

И белки спрыгнули на пол и подбежали к мальчику. И он увидел: они принесли в зубах большую связку ледяных ключей. И мальчик все понял.

С ключами в руках бросился он к сорок девятому залу. Друзья его летели, прыгали, бежали следом. Вот и дубовая дверь. Мальчик нашел ключ с цифрой «49». Но где замочная скважина? Он искал, искал, искал, но напрасно. Тогда поползень подлетел к двери. Цепляясь лапками за дубовую кору, поползень принялся ползать по двери вниз головой. И вот он нашел что-то. И чирикнул негромко. И семь дятлов слетелись к тому месту двери, на которое указал поползень. И дятлы терпеливо застучали своими твердыми клювами по льду. Они стучали, стучали, стучали, и вдруг четырехугольная ледяная дощечка сорвалась с двери, упала на пол и разбилась. А за дощечкой мальчик увидел большую замочную скважину. И он вставил ключ и повернул его, и замок щелкнул, и упрямая дверь открылась, наконец, со звоном. И мальчик, дрожа, вошел в последний зал ледяного дворца. На полу грудами лежали прозрачные ледяные птицы и ледяные звери.

А на ледяном столе посреди комнаты стоял бедный младший брат. Он был очень грустный и глядел прямо перед собой, и слезы блестели у него на щеках, и прядь волос на затылке, как всегда, стояла дыбом. Но он был весь прозрачный, как стеклянный, и лицо его, и руки, и курточка, и прядь волос на затылке, и слезы на щеках, – все было ледяное. И он не дышал и молчал, ни слова не отвечая брату. А Старший шептал:

– Бежим, прошу тебя, бежим! Мама ждет! Скорее бежим домой!

Не дождавшись ответа, Старший схватил своего ледяного брата на руки и побежал осторожно по ледяным залам к выходу из дворца, а друзья его летели, прыгали, мчались следом. Прадедушка Мороз по-прежнему крепко спал. И они благополучно выбрались из дворца.

Солнце только что встало. Ледяные деревья сверкали так, что больно было смотреть. Старший побежал к живому лесу осторожно, боясь споткнуться и уронить Младшего. И

вдруг громкий крик раздался позади. Прадедушка Мороз кричал тонким голосом так громко, что дрожали ледяные деревья:

– Мальчик! Мальчик! Мальчик!

Сразу стало страшно холодно. Старший почувствовал, что у него холодеют ноги, леденеют и отнимаются руки. А Младший печально глядел прямо перед собой, и застывшие слезы его блестели на солнце.

– Остановись! – приказал старик.

Старший остановился. И вдруг все птицы прижались к мальчику близко-близко, как будто покрыли его живой теплой шубой. И Старший ожил и побежал вперед, осторожно глядя под ноги, изо всех сил оберегая младшего брата. Старик приближался, а мальчик не смел бежать быстрее, – ледяная земля была такая скользкая. И вот, когда он уже думал, что погиб, – зайцы вдруг бросились кубарем под ноги злому старику. И Прадедушка Мороз упал, а когда поднялся, то зайцы еще раз и еще раз свалили его на землю. Они делали это дрожа от страха, но надо же было спасти лучшего своего друга. И когда Прадедушка Мороз поднялся в последний раз, то мальчик, крепко держа в руках своего брата, уже был далеко внизу, в живом лесу. И Прадедушка Мороз заплакал от злости. И когда он заплакал, сразу стало теплее. И Старший увидел, что снег быстро тает вокруг, и ручьи бегут по оврагам. А внизу, у подножия гор, почки набухли на деревьях.

– Смотри – подснежник! – крикнул Старший радостно.

Но Младший не ответил ни слова. Он по-прежнему был неподвижен, как кукла, и печально глядел прямо перед собой.

– Ничего. Отец все умеет делать! – сказал Старший Младшему. – Он оживит тебя. Наверное оживит!

И мальчик побежал со всех ног, крепко держа в руках брата. До гор Старший добрался так быстро с горя, а теперь он мчался, как вихрь, от радости. Ведь все-таки брата он нашел. Вот кончились участки лесничих, о которых мальчик только слышал, и замелькали участки знакомых, которых мальчик видел раз в год, раз в полгода, раз в три месяца. И чем ближе было к дому, тем теплее становилось вокруг. Друзья-зайцы кувыркались от радости, друзья-белки прыгали с ветки на ветку, друзья-птицы свистели и пели. Деревья разговаривать не умеют, но и они шумели радостно, – ведь листья распустились, весна пришла.

И вдруг старший брат поскользнулся. На дне ямки, под старым кленом, куда не заглядывало солнце, лежал подтаявший темный снег. И Старший упал. И бедный Младший ударился о корень дерева. И с жалобным звоном он разбился на мелкие кусочки. Сразу тихо-тихо стало в лесу. И из снега вдруг негромко раздался знакомый тоненький голос:

– Конечно! От меня. Так. Легко. Не уйдешь!

И Старший упал на землю и заплакал так горько, как не плакал еще ни разу в жизни. Нет, ему нечем было утешиться, не на чем было успокоиться. Он плакал и плакал, пока не уснул с горя как убитый. А птицы собрали Младшего по кусочкам, и белки сложили кусочек с кусочком своими цепкими лапками и склеили березовым клеем. И потом все они тесно окружили Младшего как бы живой теплой шубкой. А когда взошло солнце, то все они отлетели прочь. Младший лежал на весеннем солнышке, и оно осторожно, тихонечко согревало его. И вот слезы на лице у Младшего высохли. И глаза спокойно закрылись. И руки стали теплыми. И курточка стала полосатой. И башмаки стали черными. И прядь волос на затылке стала мягкой. И мальчик вздохнул раз, и другой, и стал дышать ровно и спокойно, как всегда дышал во сне.

И когда Старший проснулся, брат его, целый и невредимый, спал на холмике. Старший стоял и хлопал глазами, ничего не понимая, а птицы свистели, лес шумел, и громко журчали ручьи в канавах. Но вот Старший опомнился, бросился к Младшему и схватил его за руку. А тот открыл глаза и спросил как ни в чем не бывало:

– А, это ты? Который час?

И Старший обнял его и помог ему встать, и оба брата помчались домой. Мать и отец

сидели рядом у открытого окна и молчали. И лицо у отца было такое же строгое и суровое, как в тот вечер, когда он приказал Старшему идти на поиски брата.

– Как птицы громко кричат сегодня, – сказала мать.

– Обрадовались теплу, – ответил отец.

– Белки прыгают с ветки на ветку, – сказала мать.

– И они тоже рады весне, – ответил отец.

– Слышишь?! – вдруг крикнула мать.

– Нет, – ответил отец. – А что случилось?

– Кто-то бежит сюда!

– Нет! – повторил отец печально, – Мне тоже всю зиму чудилось, что снег скрипит под окнами. Никто к нам не прибежит.

Но мать была уже во дворе и звала: – Дети, дети!

И отец вышел за нею. И оба они увидели: по лесу бегут Старший и Младший, взявшись за руки. Родители бросились к ним навстречу. И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления. Седая борода отца темнела на глазах, и вот она стала совсем черной, как прежде. И отец помолодел от этого лет на десять. С горя люди седеют, а от радости седина исчезает, тает, как иней на солнце. Это, правда, бывает очень-очень редко, но все-таки бывает. И с тех пор они жили счастливо. Правда, Старший говорил изредка брату:

– Оставь меня в покое. Но сейчас же добавлял:

– Ненадолго оставь, минут на десять, пожалуйста. Очень прошу тебя.

И Младший всегда слушался, потому что братья жили теперь дружно.